

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Оформление серии *С. Курбатова*
Под редакцией *О. Рубис*
Редактор серии *А. Антонова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

У80 **Устинова, Татьяна Витальевна.**
Сто лет пути : [роман] / Татьяна Устинова. —
Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Столичный
детектив).

ISBN 978-5-04-106068-8

Когда в старинном особняке убивают директора музея, а рядом с телом обнаруживают старинную чашку и письма начала двадцатого века, к расследованию привлекают в качестве эксперта профессора Дмитрия Шаховского. Чтобы понять, что же произошло на месте преступления, Шаховскому нужно восстановить события почти вековой давности — историю первой Думы, разгром одной из террористических ячеек... И еще кое-что узнать и понять... о себе самом. Возможно, он не узнал и не понял бы, если б не Варвара Звонкова. Он разберется в хитросплетениях судеб, в странных и загадочных совпадениях...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Устинова Т. В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-106068-8

*Все события,
описанные в романе, вымышлены.
Любые совпадения случайны.*

...И тут у него зазвонил телефон, как всегда, в самый неподходящий момент.

Совещание заканчивалось, сейчас начнут «подытоживать», он должен будет сказать что-то связанное, неплохо, чтоб и умное тоже, но как только телефон грянул, все мысли до одной вылетели из головы профессора Шаховского.

Телефон был новейшей, последней модели, а потому чрезвычайно, необыкновенно сложен в употреблении. Телефон умел все — входить в Интернет и даже время от времени выходить из него, показывать курс акций на разных мировых биржах, прокладывать маршруты от Северного полюса к Джибути, светить фонарем, погружать владельца в Инстаграм, Твиттер и Фейсбук, давать прогноз погоды в Липецке и на западном склоне Фудзиямы на три недели вперед, фотографировать с приближением и удалением, снимать кино, монтировать видеоклипы, а его процессор превосходил по мощности все компьютеры НАСА в тот исторический день, когда Нил Армстронг высадился на Луну.

Шаховской телефон ненавидел и как выключить звук, не знал. Марш гремел.

— Господи помилуй, — пробормотал рядом председательствующий Ворошилов и уронил наконец

очки, которые примеривался уронить с самого начала совещания, а историк, занудно читавший по бумажке занудный текст, посмотрел на Шаховского негодующе. Все собрание, обрадовавшись развлечению, задвигалось и зашумело.

— Прошу прощения, — пробормотал несчастный профессор и выскочил в коридор, изо всех сил прижимая ладонью мобильный, чтобы немного унять марш.

— Дмитрий Иванович, это полковник Никоненко из Следственного комитета. Мы с вами как-то по одному антикварному делу работали. Вы по исторической части, а я, так сказать, по современной линии шел. Помните?..

Шаховской, который в этот момент люто ненавидел телефон, ничего не понял.

— Я не могу сейчас разговаривать, я на совещании. перезвоните мне...

— Стоп-стоп-стоп, — непочтительно перебил его полковник Никоненко из Следственного комитета, — это все я понимаю, но у меня свежий труп, а при нем какие-то бумаги, по всему видать, старинные. Я сейчас за вами машинку пришлю, а вы подъедете, да? Адресок диктуйте, я запишу.

Шаховской — должно быть, из-за сегодняшнего нескладного дня и ненависти к телефону — опять ничего не понял. И не хотел понимать.

— Я в Думе, у меня работа, — сказал он неприязненно. — перезвоните мне, скажем, через...

— На Охотном Ряду? Мы тут рядышком, на Воздвиженке, время проводим. Выходите прямо сейчас, машинку не перепутаете, она синими буквами подписана.

— Что? — переспросил Шаховской, помедлив.

— Следственный комитет, говорю, на машинке написано! Не ошибетесь. Ну, добро.

И экран, похожий по размеру на экран телевизора «КВН-49», смотреть который полагалось через линзу, наполненную дистиллированной водой.

«Никуда я не поеду, что за номера?! У меня свои дела, и их много! Мне еще «подытоживать», а потом статью править, и...»

Тут он вдруг вспомнил этого Никоненко, и «антикварное дело» вспомнил! Тогда, сто лет назад, полковник размотал совершенно не поддающийся никакому разматыванию клубок из нескольких убийств. Убивали антикваров — без всякой связи, без логики, жестоко, — и Шаховского позвали как раз затем, чтобы он нашел логику. Понятно было, что убийства связаны с антиквариатом, но как?! Дмитрий Иванович долго эту логику искал — антиквары торговали предметами случайными и на первый взгляд никак между собой не связанными — и нашел! А Никоненко додумал все остальное. И «громкое дело, находящееся на особом контроле в прокуратуре Российской Федерации, было раскрыто», как сообщили потом в новостях.

Воспоминание было... острым. Шаховской усмехнулся, стоя в одиночестве посреди пустого и широкого думского коридора. Он никогда не занимался никакими расследованиями, кроме исторических, а тогда вдруг почувствовал себя сыщиком, который осторожно и внимательно идет по пятам злодея, охотником, выслеживающим взбесившегося зверя, готового на все ради своих бешеных целей. А Никоненко — как же его зовут, Владимир Петрович, что ли? — все прикидывался простаком и «деревенским

детективом», а оказался умным, расчетливым, хладнокровным профессионалом.

Шаховской очень уважал профессионализм.

«Поеду, — вдруг решил профессор, приходя в хорошее настроение. — Заодно не придется ничего подытоживать, вы уж там без меня справляйтесь, уважаемые...»

Машина свернула с Воздвиженки, въехала в невысокие кованые ворота, озаряя мощеный двор всполохами мигалки, и остановилась у бокового крыльца всего в три ступеньки.

— Вам туда, — сказал Шаховскому очень серьезный и очень молодой человек в форме и показал поперх руля, куда именно, — там встретят.

Дмитрий Иванович выбрался из машины и огляделся. Он, как и большинство москвичей, видел этот дом, особняк Арсения Морозова, только снаружи, внутри никогда не бывал и во двор не заходил, ворота всегда были закрыты, и что там за ними — не разглядеть. В разное время здесь было разное: посольства Японии и еще, кажется, Индии, редакция какой-то британской газеты, это во время войны, потом еще его владельцем стал «Союз советских обществ дружбы и культурных связей с народами зарубежных стран», тогда особняк называли Домом дружбы народов, а во времена того самого Арсения именовали его москвичи «домом дурака»! Дурак, стало быть, Арсений, построивший когда-то особняк в самом что ни на есть странном и немосковском вкусе!

Ворота сами по себе закрылись — Шаховской оглянулся, когда створки тронулись и стали сходить-ся, — и дворик сразу оказался отрезанным от Москвы, многолюдья, автомобильного смрадного чудища, упирившегося хвостом в Моховую, а головой во

МКАД — ежевечерний исход из столицы был в разгаре. Стало почему-то тихо, на той стороне дворика обозначился огонек, горящий в одном из окошек, брусчатка, слабо освещенная фонарем, блестела, как лакированная.

Все это Дмитрию Ивановичу вдруг очень понравилось.

Он поднялся на крыльцо — высокие двустворчатые двери казались закрытыми навсегда — и чуть не упал, когда створка приоткрылась ему навстречу.

— Проходите.

Шаховской «прошел». Еще один очень молодой человек в форме аккуратно притворил за ним дверь и спросил паспорт. Дмитрий Иванович извлек паспорт и огляделся. Прихожая оказалась огромной и полутемной, электрического света не хватало на все дубовые панели, которыми были обшиты стены, свет тонул в них и ничего не освещал. Широкая мраморная лестница поднималась в просторный вестибюль или какой-то зал. Шаховской вытянул шею, чтобы рассмотреть зал получше, но не успел.

Высокий человек стремительно пересек помещение и оттуда, сверху, констатировал негромко:

— Дмитрий Иванович. Пропусти его, Слава.

Поднимаясь по ступеням, Шаховской все пытался припомнить, как зовут полковника Никоненко, но так и не вспомнил. Владимир Петрович, что ли?..

— Что-то вы долго. — Полковник сказал это таким тоном, как будто Шаховской обещался быть к нему на обед, но опоздал. — Или чего там? Стояк, как обычно? Давайте за мной.

В большом ампирном зале неожиданно оказалось очень светло и много народу. Шаховской на секунду зажмурился и остановился. Двое в перчатках обмета-

ли кисточками каминную полку, над которой висело большое зеркало с потемневшей амальгамой. Еще двое ползали по полу и что-то мерили линейками. Парень в джинсах и синем свитере бродил в отдалении, прицеливался, фотографировал со вспышкой и имел вид туриста, запечатлевающего детали интерьера, и это почему-то поразило профессора. Молодая женщина стояла на коленях возле лежащего на полу человека. Рядом с ней помещался распахнутый чемоданчик, из которого она время от времени что-то доставала, и вид у нее был самый что ни на есть обыкновенный.

— Ну, так, — Никоненко обошел женщину, почти перешагнув через нее как ни в чем не бывало. — Прибыла помощь в лице науки. Леш, где у нас?..

— Все на столе, товарищ полковник. Во-он, видите?

— Подходите поближе, товарищ профессор! На труп не смотрите лучше, если вам... неприятно.

Почему только в эту секунду профессор Шаховской сообразил, что лежащий на полу — уже не человек, а то, что *было* человеком, покуда не случилось что-то странное, непоправимое, и человека не стало. Осталось тело, из-под которого на светлый паркет натекла довольно большая лужа темной крови, и молодая женщина старалась не угодить коленками в эту лужу, это профессор тоже заметил.

Ему вдруг стало жарко так, что моментально взмокла спина, он потянул с шеи шарф, уронил и нагнулся поднять.

— Не смотрите вы туда, ей-богу!..

Начальственный, приказной, нетерпеливый тон, каким с Шаховским никто и никогда не разговари-

вал, немного отрезвил профессора, как будто холодной воды дали умыться.

— Вот сюда смотрите, здесь для вас привычней!

— Все в порядке, — проскрипел нервный профессор и пристроил на раззолоченный стул портфель и шарф.

— Может, присядете?..

— Спасибо, — уже твердо и несколько даже обозленно сказал «ученый человек», — со мной все в порядке. Не беспокойтесь.

Полковник пробормотал себе под нос, что он не особенно и беспокоится, и взял со стола две какие-то бумажки, желтые и тонкие от времени. Еще там стояла чашка с витой ручкой, расписанная голубыми узорами, и ничего более неуместного, чем эта чашка, нельзя было себе представить в помещении, где на полу лежит мертвое тело, вспыхивает фотокамера, бродят люди, переговариваются самыми обыкновенными голосами.

— Ну, так. Собственно, вот из-за этих штуковин мы вас и вызвали. Бумаги были обнаружены рядом с трупом, с правой стороны, а чашка здесь и стояла. Вы только голыми руками не хватайте. Варвара Дмитриевна! Подкинь перчатки, а?

Молодая женщина вытащила из своего чемоданчика пару медицинских перчаток и кинула резиновый комок в сторону полковника. Он ловко поймал, зачем-то подул на них и протянул Шаховскому.

Профессор взял перчатки так, как будто не знал, что с ними делать. Никоненко покосился и мотнул головой. По «прошлому делу» он помнил, что профессор оказался не так хлипкий и ненадежный, как вроде бы полагается ученому. Он хорошо соображал, — это Никоненко особенно оценил! — нервическими

припадками не страдал, на вопросы, помнится, отвечал понятно, без излишней «научности». Вот чего полковник особенно не любил, так это когда «образованные» говорят непонятное и смотрят жалостливо и малость свысока, как на дурачка деревенского!

Впрочем, он понимал, что для неподготовленного человека труп на полу в луже крови — зрелище, надо признать, удручающее. Да еще выдернули его из Думы!.. Там небось чинность, красота и благолепие, а трупов никаких не бывает.

Тут Никоненко решил, что нужно профессору помочь немного.

— А в Думе-то вы чем занимаетесь? Депутатствуете?

— Я?.. А, нет, ну что вы. Там помимо депутатской работы полно.

— Какой такой работы? — перепугался Никоненко, и Шаховской вдруг вспомнил его манеру играть в участкового уполномоченного Анискина из глухой сибирской деревни. Московский полковник время от времени начинал пугаться, напевно говорить, округлять глаза, цокать языком и подпирать рукой щеку — в соответствии с образом. Выходило очень достоверно и, видимо, помогало ему в его деле. — Какой же такой работы полно в Думе, если с утра до ночи по телевизору показывают, как люди в зале сидят и все поголовно сами с собой в крестики-нолики шпарят, а потом, стало быть, кнопочку жмут, за или против, а на табло циферки загораются, принято, мол, или, обратно, не принято!.. А потом по домам, чай кушать. Вот и вся работа!

— Ну, это на самом деле не совсем так, Владимир...

— Игорь Владимирович я! Запомятавали?

— Вернее, совсем не так. Работа любого пар-

ламент в принципе организована очень сложно, а в нашей стране еще сложнее, потому что со времен Первой Думы, то есть с девятьсот шестого года, так повелось, что всегда и во всем виновата именно Государственная дума! Она всем мешает, с ней очень неудобно, так или иначе приходится считаться, а не хочется считаться, да и опыта парламентаризма в России маловато, честно сказать...

Слава богу, заговорил, подумал Никоненко, и похвалил участкового уполномоченного Анискина, который всегда его выручал. Спасибо тебе, Федор Иванович, дорогой ты мой!

— А я готовлю разные материалы, например, для заседания комитета по культуре. Вот комитет должен решить, имеет смысл за государственные деньги открывать музей... не знаю, допустим, Муромцева, и я готовлю документы...

— Кто такой Муромцев?

— Председатель Первой Думы, очень интересный персонаж.

Шаховской сосредоточенно натягивал резиновые перчатки. С непривычки натянуть их было трудно.

— Муромцев — часть истории, и важная! Как и первый русский парламент. Но почему-то история отечества никого не интересует всерьез, особенно в этой части. Про дворцовые перевороты всем интересно, а про парламент никто ничего толком не знает. Когда был создан, для чего. Почему просуществовал так недолго. А не знать это — стыд и дикость. Да и опасно не знать...

— Ладно вам, профессор, что за пессимизм-то!

— «Кто в сорок лет не пессимист, — сказал Шаховской и пошевелил резиновыми пальцами, —

а в пятьдесят не мизантроп, тот, может быть, и сердцем чист, но идиотом ляжет в гроб».

Никоненко крикнул:

— Это кто сочинил? Вы?

— Все тот же Сергей Андреевич Муромцев.

— Эк его разобрало, вашего Муромцева! Людей не любил?..

Тут профессор спросил неожиданно:

— А вы любите? Людей? Всех до одного?

И аккуратно вытащил у полковника из руки тонкий бумажный листок. Никоненко так, с ходу, не придумал, что бы такого сказать по поводу любви к людям, вызывать Анискина по такому пустячному поводу не стал и уставился Шаховскому в лицо.

...Сразу было понятно, что желтые и тонкие листы — подлинный раритет, никаких сомнений. На первый взгляд, судя по манере написания, расположению текста на странице, бумагам лет сто, не меньше. На одном листе было письмо с обращением и подписью, на втором — какая-то записка, по всей видимости составленная наспех. Записку Шаховской отложил, а письмо поднес к глазам, зачем-то понюхал, перевернул и посмотрел с другой стороны.

— Ну? — нетерпеливо спросил полковник Никоненко. — Чего там написано? Я ни слова не разобрал.

Профессор начал быстро читать вслух:

— «Милостивый государь Дмитрий Федорович, спешу сообщить вам, что дело, так беспокоившее нас в последнее время, завершилось вполне благополучно. Заговор ликвидирован полностью, опасность, угрожавшая известной вам особе, миновала. Со слов Петра Аркадьевича, с которым я имел удовольствие беседовать сегодня днем на Аптекарском, столь благополучным исходом, в каковой я, признаться, не

верил до последнего часа, мы все обязаны князю Шаховскому, доказавшему, что и в Думе есть люди благородные, проявляющие большую волю в достижении того, что есть нужно и полезно для государства. Петр Аркадьевич уверил меня, что государь, также обеспокоенный, завтра же узнает обо всем. С нетерпением жду личной встречи, чтобы поведать вам все подробности этого удивительного дела, совершенно во вкусе г-на Конан Дойла и его сенсационных рассказов, которыми нынче зачитываются обе столицы. Сейчас могу лишь заинтриговать вас известием, что чашка с бриллиантами, фигурировавшая в деле, исчезла бесследно. Примите мои уверения и проч.» Подпись и число, двадцать седьмое мая тысяча девятьсот шестого года.

Профессор перевел дух. Глаза у него блеснули. Никоненко пожал плечами и покосился на письмо — он профессорских эмоций не разделял.

— Как вы не понимаете?.. Судя по подписи, это письмо Щегловитова, в девятьсот шестом году он как раз был министром юстиции! Петр Аркадьевич, который упоминается, — это, скорее всего, Столыпин, министр внутренних дел, и на Аптекарском у него была дача, это известный факт.

— А Шаховской — это вы, что ли? — неприязненно уточнил Никоненко, который не любил, когда при нем умничали. Ну, не знает он никаких Щегловитовых, а про Столыпина слышал когда-то в школе, да и то краем уха, и что теперь?

— В Первой Думе на самом деле был такой депутат от кадетской партии — князь Шаховской, — ответил профессор почему-то с неохотой. — Да, а Дмитрий Федорович, которому адресовано письмо, скорее всего, Трепов, комендант Зимнего дворца, фигура,